

ОТЗЫВ

официального оппонента, Немировского Александра Аркадьевича, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН» на диссертационную работу «Древнеегипетские представления об исторических циклах в пропагандистских текстах эллинистического времени (на материале “Оракула ягненка” и “Оракула горшечника”)), представленную к защите Кузьминым Кириллом Вадимовичем на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 «Всеобщая история» (Древний мир).

Диссертация К. В. Кузьмина посвящена теме, получившей глубокую разработку в зарубежной историографии, но в отечественной египтологии почти не изучавшейся. Основное внимание автора сосредоточено на древнеегипетских представлениях о времени и истории – в отечественной науке эта проблематика стала специально разрабатываться лишь в последние десятилетия. Это же можно сказать и о втором блоке проблем, исследуемых автором: легитимация греко-македонской династии Птолемеев среди египетского населения совсем недавно стала целенаправленно изучаться отечественными специалистами. Во введении диссертант подробно объясняет актуальность избранной им темы исследования. К. В. Кузьмин справедливо отмечает, что понимание древнеегипетских представлений о времени и истории является важным условием для адекватного восприятия материала исторических источников, по которым мы изучаем эту цивилизацию. «Оракул ягненка» и «Оракул горшечника» представляют интерес и с другой точки зрения: эти источники представляют большую ценность для изучения взаимодействия между пришлым (греко-македонским) и автохтонным (в данном случае, египетским) населением в эллинистическую эпоху. Диссертант подчеркивает, что именно в настоящее время благодаря появлению ряда новейших исследований и публикации ранее неизвестных текстов работа с данными источниками может дать новые результаты. Что касается новизны диссертационного исследования, то она заключается в следующем. Тот факт, что представления древних египтян о структуре времени имели циклический характер, подробно изучался не только в зарубежной, но и, в особенности, в отечественной египтологии, прежде всего научным руководителем автора, с которым у автора в ходе подготовке текста сложилось прочное рабочее содружество, дополнительно усилившее достоинства работы. Полученные диссертантом выводы существенно углубляют наше понимание данных представлений и показывают, какое место эти представления занимали в религиозно-мифологической картине мира древних египтян, насколько глубоко они были связаны именно с мифологическими сюжетами. Кроме того, К. В. Кузьмин объединяет изученные им представления мифологического характера с данными об исторической традиции египтян второй половины I тыс. до н.э. и показывает, насколько глубоко были переплетены между собой эти, казалось бы, совершенно отдельные друг от друга сферы представлений. Результаты исследования по проблемам датировки и установления исторического контекста

«Оракула ягненка» и «Оракула горшечника» также характеризуются большой новизной. Автору удается обнаружить данные, которые делают возможной привязку редактирования данных источников к конкретным и хорошо известным событиям политической истории эллинистического Египта.

Работа состоит из следующих частей: введение, обзор источников, история их изучения, четыре главы, заключение, приложение (иллюстративный материал) и список источников и литературы. Отличительной особенностью работы является четкая структура ее основной части. Обозначив во введении цели и задачи исследования, автор посвящает каждой из указанных целей одну главу, в которой каждый параграф соответствует одной из заявленных исследовательских задач. Такая структура работы позволяет легко оценить, удалось ли автору справиться с теми целями и задачами, которые он ставит перед собой.

В обзоре источников автор приводит детальную характеристику сохранившихся фрагментов и списков «Оракула ягненка» и «Оракула горшечника», включая основное содержание текстов и расхождения между различными версиями одного и того же памятника (здесь особо хотелось бы отметить подробное сопоставление данных двух рукописей «Оракула горшечника», которое действительно помогает лучше разобраться в деталях предполагаемого автором редактирования текста) (с. 29–36). Далее автор излагает историю изучения источников, которым посвящена работа. Диссертант характеризует как мнения исследователей по вопросам интерпретации текстов и их отдельных сюжетов, так и детали прочтения рукописей, выявленные исследователями палеографические отличия и другие, на первый взгляд, малозначительные особенности текстов, которые оказываются действительно важными для адекватного понимания изучаемых памятников. Характеризуя достигнутые в историографии результаты исследования «Оракула ягненка» и «Оракула горшечника», автор отмечает, что отражение в этих памятниках древнеегипетских представлений о времени еще не было освещено в науке с достаточной полнотой. В связи с датировкой и установлением исторического контекста редактирования памятников К. В. Кузьмин обращает внимание на два наиболее важных результата работы предшествующих исследователей: выявлены данные, которые дают возможность датировать внесение изменений в текст «Оракула ягненка» началом правления династии Птолемеев, а широко утвердившаяся в историографии точка зрения, согласно которой в «Оракуле горшечника» нашли отражение события II в. до н. э., не имеет под собой достаточных оснований.

Первая глава диссертации посвящена исследованию представления о жизненном цикле бога солнца Ра, которое оказывается важным элементом циклической концепции времени, характерной для древних египтян. Сопоставляя данные «Оракула ягненка» и «Оракула горшечника» с данными исторических и мифологических текстов второй половины I тыс. до н.э., автор выявляет концепцию, в соответствии с которой переломные эпохи в истории Египта отождествлялись со сменой жизненных циклов бога солнца. В параграфе 1.1 автор сопоставляет легендарные сведения античных авторов с изображениями божества с четырьмя головами барана на предметах заупокойного культа и

приходит к обоснованному выводу, что Ягненок в «Оракуле ягненка» является ни кем иным, как самим богом солнца Ра в момент восхода (Ра-Хорахти). Далее диссертант обращается к сведениям Манефона, написавшего в начале эллинистического периода труд по истории Египта на древнегреческом языке. Диссертант восстанавливает оригинальный текст интересующего его фрагмента (с. 116–117) и приводит доказательства в пользу того, что Манефон должен был видеть в Ягненке воплощение Ра. В следующем параграфе К. В. Кузьмин ставит перед собой задачу обнаружить сюжеты, связанные с Ра, в «Оракуле горшечника». Автор убедительно доказывает, что и пророчествующий Горшечник представлял собой бога солнца, причем именно в момент восхода. Таким образом, автору удастся показать, что в основе сюжетной структуры обоих памятников лежит одно и то же мифологическое представление. Этот вывод становится более обоснованным благодаря результатам, которые представлены в третьем параграфе данной главы. Здесь автор показывает, что египтяне второй половины I тыс. до н. э. предпринимали попытки установить взаимосвязь между концепцией жизненных циклов Ра и так называемым периодом Сотиса. Убедительными выглядят результаты исследования автором пророческого текста из Тебтюниса (с. 143–146), в котором перерождение феникса-Бену, возрождающегося бога солнца, отождествляется с началом очередной переломной эпохи. Данные, которые К. В. Кузьмин анализирует в первой главе своего исследования, позволяют ему прийти к закономерному выводу о том, что представление о смене жизненных циклов Ра определяло сюжетную структуру исследованных пророческих текстов эллинистического периода.

Во второй главе диссертант обращается к анализу исторических сюжетов, присутствующих в «Оракуле ягненка» и «Оракуле горшечника». В первом параграфе данной главы в основном обобщаются достижения современных отечественных исследователей, которые позволяют установить, что эпоха царя Аменофиса в поздней исторической традиции воспринималась как смена двух крупных исторических циклов. Автор дополняет этот вывод результатами исследования рассказа Геродота Галикарнасского о царе Сетосе (*Hdt.* II. 141) (с. 157–163). К. В. Кузьмин принимает и развивает соображения, показывающие, что основу для этого сюжета должна была составлять историческая традиция о борьбе царя Мернептаха с нашествием «народов моря». Следует отметить, что возможные варианты изменения имени главного героя данного сюжета на различных этапах развития традиции, на наш взгляд, могли бы быть проанализированы более подробно. В параграфе 2.2 К. В. Кузьмин предлагает гипотезу, согласно которой сюжеты «Оракула ягненка» и «Оракула горшечника» могут восходить к традиции о царе Аменофисе. Автор приводит доказательства, которые могли бы подтвердить данную точку зрения, однако для убедительного ответа на поставленный в данной части исследования вопрос не хватает необходимых данных (что и отмечает автор). Третий параграф посвящен царю Бокхорису, ко времени которого отнесено действие в «Оракуле ягненка». Чтобы установить роль этой фигуры в исторической традиции, диссертант обращается к исследованию нарративных источников, рассказывающих о борьбе египтян против ассирийцев во второй четверти VII в. до н.э. К. В. Кузьмин вводит в

отечественную историографию ранее не изучавшийся памятник, папирус рВМ ЕА 68531а, который, возможно, является единственным египетским нарративным текстом, посвященным царю Бокхорису (с. 196–199). Автору удается выявить исторический эпизод, ранее не изучавшийся в египтологии: он предполагает, что один из основателей XXVI династии Псамметих I вынужден был бороться с атрибисским правителем Инаром, одним из героев борьбы против ассирийцев. В связи с этими обстоятельствами для царей XXVI династии соотнесение начала правления династии с эпохой правления Бокхориса должно было представляться выгодным с точки зрения легитимации и пропаганды. Наиболее важный вывод, который обосновывается в данной главе, заключается в следующем: представление о том, что эпоха царя Аменофиса ознаменовала собой смену исторических циклов, было настолько популярным, что под его влиянием могли существенно искажаться представления о других переломных эпохах египетской истории. В соответствии с представлением о смене жизненных циклов Ра правление Бокхориса было перенесено в традиции на время за 990 лет до прихода в Египет Александра Македонского. Начало нового исторического периода соотносилось с началом очередного цикла Сотиса (ок. 1322 г. до н.э.). Египтяне второй половины I тыс. до н.э., таким образом, стремились объединить исторические и мифологические представления о смене продолжительных циклов в целостную систему.

Третья глава диссертации посвящена вопросу об использовании «Оракула ягненка» в политической пропаганде и, соответственно, о датировке текста или одной из его версий. В первом параграфе автор выявляет в тексте отражение событий так называемого Второго персидского завоевания. Следы такого отражения уже были гипотетически установлены в историографии, и наблюдения автора позволяют дополнительно подтвердить данную точку зрения. Далее диссертант переходит к сопоставительному анализу данных «Оракула ягненка» и так называемой «Стелы сатрапа» (311 г. до н.э.), важнейшего памятника раннеэллинистического времени. Автор проводит подробный палеографический анализ обоих памятников и читает в них топоним, восходящий к «Амор / Амурру», что отличается от чтения, принятого большинством авторов. Уязвимыми в этой главе представляются именно построения автора относительно возможности видеть название Амурру в некоторых египетских текстах, в частности, тот его вывод, что в обоих вышеупомянутых текстах присутствует упоминание древнего топонима, восходящего к обозначению Амурру как региона в Восточном Средиземноморье, мыслящегося как наиболее удаленный от Египта, в частности, более северный, чем области, именовавшиеся «Асур», т.е. Ассирия > Сирия. Это не так: Амурру, о котором идет речь у диссертанта – маленькое княжество Ливана, и оно не находится дальше / севернее Сирии, а также далеко не является самым северным из регионов, покоряемых египтянами Нового Царства как в реальной истории, так и в новоегипетских надписях (по дословному построению одной из фраз диссертанта Ливан вообще оказывается севернее Сирии). Добавим, что у термина «Амурру» в клинописной традиции, в отличие от новоегипетской, было еще два значения: (1) Сирия и Сирийская степь вместе; (2) все Восточное Средиземноморье в целом. Любое из этих значений действительно

могло бы стать основой для именованя топонимом, восходящим к «Амурру», наиболее отдаленных от Египта областей севера – северо-востока Леванта, но лишь в том случае, если бы египтяне вообще знали и применяли эти значения клинописного «Амурру», а возможность этого надо было бы специально и подробно обосновывать. Сейчас гипотезы автора относительно «Амурру» требуют одновременно принимать, что: в «Стеле Сатрапа» соответствующий топоним надо читать с инверсией знаков; что, хотя на протяжении многих сотен лет этот термин не встречается на памятниках, потом он был востребован в качестве обозначения обширного азиатского региона, притом самого северного, лежащего дальше от Египта, чем «Асур» (Сирия – Ассирия), хотя Амурру новоегипетских надписей – это часть Ливана; и, наконец, что египтяне птолемеевского времени не могли считать, что ассирийская Ниневия входит в регион «Асур» (хотя это слово значит именно «Ассирия»), так как этот регион в их словоупотреблении начинался восточнее Египта и покрывал всю Сирию, – однако при решении вопроса о том, могли ли египтяне включать в такой регион Ниневию и прочую подлинную Ассирию, значимо не то, как близко от Египта этот регион в представлении египтян начинался, а лишь то, как далеко он в этих представлениях простирался далее на восток и где он кончался (данных о том, что он не мог простираться до Ниневии, сколько можно судить, нет); кроме того, неясно, что могло бы побудить египтян распространить на Ниневию термина «Амурру» – в любом своем зафиксированном значении (тем более в новоегипетском, к которому должен был бы восходить поздний узус) этот термин Ассирию и Ниневию далеко не покрывает. Ни один из изложенных пунктов построений автора не может считаться полностью исключенным (так, ничего заведомо невозможного в рецепции архаического топонима и применении его в смещенном по отношению к исходному значению, нет), но для того, чтобы, не ограничиваясь этой констатацией, принимать все эти пункты, необходимо, по нашему мнению, расширение соответствующей аргументации.

В той же главе диссертанту удастся выявить существенные черты сходства в содержании обоих исследуемых памятников. Далее К. В. Кузьмин анализирует исторические события 312 г. до н.э. и их освещение в пропаганде, нацеленной на легитимацию Птолемея I в Египте, и обосновывает вывод о том, что данные события, по замыслу представителей новой династии, должны были ознаменовать для египетского населения начало нового исторического цикла. Именно в этих обстоятельствах и должно было происходить редактирование «Оракула ягненка» с целью сделать текст инструментом пропаганды.

В последней, четвертой, главе диссертации К.В. Кузьмина обращается к исследованию исторического контекста, в котором должен был функционировать второй из его основных источников, «Оракул горшечника». Следует отметить, что предположения и выводы, которые диссертант делает в данной главе, имеют наиболее гипотетический характер. Это отмечает и сам автор. В первом параграфе автор подробно анализирует расхождения между рукописями памятника. К. В. Кузьмин рассматривает эти различия в контексте исторических событий конца II в. до н.э. – начала I в. до н.э. и предполагает, что в них имеются следы редактирования текста в целях политической пропаганды. Во втором параграфе

диссертант ставит перед собой задачу выяснить, не являлось ли негативное отношение к еврейскому населению характерным для царя Птолемея IX – и не может ли появление соответствующих сюжетов в «Оракуле горшечника» служить дополнительным аргументом для датировки редактирования текста эпохой этого царя. Приводимые в данном параграфе аргументы сами по себе не обладают достаточной полнотой, но в совокупности приобретают определенную убедительность. К. В. Кузьмину удается представить непротиворечивую картину, в соответствии с которой Птолемей IX действительно мог иметь основания для негативного отношения к египетским евреям и использовать антиеврейскую полемику в своей пропаганде. Представленные в данной части работы наблюдения позволяют рассматривать главный вывод автора, по крайней мере, как возможный: «Оракул горшечника» мог быть использован для легитимации Птолемея IX в Египте при его повторном восшествии на трон в 88 г. до н.э.

В заключении К. В. Кузьмин обобщает сделанные в ходе работы выводы и обращается к наиболее важной проблеме своего исследования. В историографии второй половины XX в. прочно укоренилась точка зрения, согласно которой «Оракул ягненка» и «Оракул горшечника» отражают формирование в Египте второй половины I тыс. до н.э. так называемого «эсхатологического мировоззрения». Сущность этой точки зрения состоит в том, что в данную эпоху под влиянием исторических обстоятельств (прежде всего, продолжительных периодов иноземного господства) египтяне отказались от характерного для них представления о регулярной и закономерной смене периодов благоденствия и переломных эпох, и стали переносить наступление нового возрождения страны в неопределенное будущее. К. В. Кузьмин убедительно показывает, что данная точка зрения, по крайней мере, не может быть принята безоговорочно. В первых двух главах своего исследования автор демонстрирует, что и в этот период переломные эпохи представлялись египтянам важной составляющей миропорядка. Более того, концепция исторических циклов была прочно встроена в общую картину мира египтян и находилась в тесной связи с представлениями религиозно-мифологического характера. Использование «Оракула ягненка» и «Оракула горшечника» в пропаганде царей из династии Птолемеев также показывает, что данные памятники могли быть успешно адаптированы для легитимации реальных политических лидеров, и этот вывод противоречит точке зрения, согласно которой «эсхатологический» характер данных памятников делал их применение в конкретной политической обстановке невозможным.

Поставленные диссертантом цели и задачи в целом оказываются выполненными. В тех случаях, когда данные источников дают необходимый для доказательства выдвинутых предположений материал, автор комплексно решает поставленную проблему и аргументирует полученные выводы. В тех же случаях, когда те или иные положения могут быть выдвинуты только гипотетически в силу недостаточного количества данных, автор указывает на их гипотетический характер и, тем не менее, приводит все возможные доказательства, которые обычно в комплексе позволяют считать предлагаемые автором решения проблем, по крайней мере, возможными. Работа выполнена на высоком профессиональном уровне. Автор владеет языковым материалом и методами анализа исторических

источников различных жанров и типов – от иконографических памятников до записей устной исторической традиции.

Диссертационное исследование К. В. Кузьмина вполне соответствует требованиям п. 9 «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Автореферат адекватно отражает содержание и структуру диссертации. Публикации автора по теме диссертации отражают основные научные положения, представленные в исследовании. Полученные К. В. Кузьминым научные результаты могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин и проведении исследований в таких областях, как религия и культура Древнего Египта, эллинистическая культура и взаимоотношения между различными этносами в эллинистическую эпоху. Автор диссертационного исследования Кузьмин Кирилл Вадимович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 «Всеобщая история» (Древний мир).

К. и. н., старший научный сотрудник
ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН»
Москва, Ленинский проспект, 3А
e-mail: sidelts@inbox.ru; 8-9031407772

А. А. Немировский

23 09 2012

